

БХАГАВАН ШРИ РАДЖНЕСИ

Избранные беседы

ТОМ 1. ИСТИННЫЙ МУДРЕЦ

*Высочайшая вершина музыки — это пауза.
Завершение живописи — ослепляющий
солнечный свет.
Все уходит в тишину, в молчание, к истокам.
Итак, я говорю, чтобы помочь
всем стать ближе к молчанию.
Слова подобны берегам реки;
берега — это не река, -
не привязывайтесь к берегам.
Они не утолят вашей жажды.
Молчание между словами — это река.
Прильните к этим струям и пейте...
Прекрасный вечер...
Но сколько людей способны
сполна им насладиться? —
Так мало!
Но мы всем даем этот вечерний свет,
Эту прохладную тишину — всей земле,
Как бриз, как легкий ветер.
Это молчание будет чревом,
Из которого родится новый человек.
Мы прокладываем путь.*

[Читать полный вариант книги](#)

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Молодой раввин жаловался рабби из Ризхина: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?" Рабби из Ризхина ответил: "Ты подобен человеку, пробирающемуся через лес темной ночью; какое-то время другой человек с лампой сопровождает его, но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты".

ИДТИ СО СВОИМ СВЕТОМ

Есть религии: индуизм, христианство, буддизм, иудаизм и многие другие. Но это религии, а не религия. Это отражения Луны в самых разных сознаниях. Это не настоящая Луна. Луна одна, но она может отражаться в миллионах озер. Отражения отличаются, но отражаемое одно. Сознание — это зеркало. Когда религия отражается сознанием, рождается индуизм, магометанство, иудаизм. Когда религия не отражение, когда оказываются лицом к лицу с реальностью, без посредства всякого сознания, когда сознание не стоит между вами и истиной, — тогда рождается религия.

Хасидизм — религия. Суфизм — религия. Дзен — религия. Они отличаются только именами, в остальном это одно. Отличается их язык, но не содержание. Все они видят Луну, но называют ее по-разному. Это совершенно естественно. Но они не смотрят на отражение. Они не верят в догматы, вероучения, священные писания. Они знают истину, а когда вы знаете истину, нет нужды в священном писании. Вы носите священное писание в голове, когда истина известна. Теории, составленные из частей, мертвы. Истина всегда живая, вечно живая. Она не может быть ограничена словами: весть бессловесна. И нельзя прийти к ней с чьей-то по мощью: когда есть посредник, она становится отражением. Когда же отражение создает ваше собственное сознание, какое вам дело до других умов, с чьей помощью вы пришли к этому?

Надо войти в непосредственный контакт, прямой, сердце к сердцу. Ничего не должно стоять между вашим сердцем и сердцем реальности. Они должны биться в глубоком резонансе. **Они** должны встретиться, соединиться и погрузиться: не должно быть занавеси слов, знаний, представлений. Только тогда вы узнаете, что такое религия.

Хасидизм — религия, иудаизм — отражение. Или то же можно сказать по-другому: иудаизм — окраина, хасидизм — сердцевина, самая середина, живая душа, самый центр. Буддизм — окраина, дзен — сердцевина. Ислам — окраина, суфизм — сердцевина. Окраин миллионы, а сердцевина одна. Из одного центра можно провести бесчисленное множество концентрических окружностей.

Мы будем говорить о хасидизме. Прежде, чем войти в него, проникнуться духом его, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Всегда возникает проблема: как говорить о религии? Здесь появляются большие трудности, потому что, как бы ни сказать о ней, скажешь меньше правды. Как бы ни сказать о ней, это всегда будет только отражением. Можно указать, но нельзя объяснить. Можно показать, но нельзя сказать.

Итак, откуда начать указывать, показывать? Я хотел бы начать с прекрасной пьесы Самуэля Беккета "В ожидании Годо". Она абсурдна, так же абсурдна, как сама жизнь. Но абсурдность жизни, если глубоко ее понять, может стать указанием на что-то, находящееся вне и исполненное смысла. Находящееся вне вас исполнено смысла. И только это *вне* исполнено смысла. То, что вне разума, исполнено смысла. "В ожидании Годо" может стать хорошим началом для хасидизма, дзен, суфизма; это очень не прямое указание. Потому что сказать что-то о таких интимных, глубоких явлениях, значит поправить их. Так что будьте осторожны, продвигайтесь потихоньку. Это святая земля.

Занавес открывается: двое бродяг сидят и ждут Годо. Кто этот Годо? Они не знают. Никто не знает. Даже Самуэль Беккет, когда его спросили: "Кто такой Годо?", ответил: "Если бы я знал, я бы сказал об этом в самой пьесе". Никто не знает. Это жест дзен.

Слово "Годо" (Godot) звучит так же, как "Бог" (God). Это знаменательно. Кто знает Бога? Кто Его знал? Кто может утверждать, что он знает? Всякое знание об этом — глупость, и тот,

кто утверждает, что знает Бога, глуп. "Годо" звучит как "Бог", неведомый. Может быть, это все, может быть — ничего. Они ждут Годо.

Если они не знают, кто этот Годо, то чего же **они** ждут? Почему **они** ждут? Потому что, если не ждать чего-то, попадешь во внутреннюю пустоту. Если вы не ждете чего-то, что должно случиться, то вы оказываетесь лицом к лицу с внутренней пустотой, внутренним ничто. А это ужасно, это подобно смерти. Чтобы убежать, ускользнуть от этого, человек мечтает, мечты проецируются в будущее. Вот так создается будущее время.

Будущее — это не часть времени, это часть сознания. Время — это всегда настоящее. Оно не бывает ни прошедшим, ни будущим. Оно всегда *сейчас*. Ум создает будущее, потому что так можно избежать *сейчас*. Человек смотрит в облака, ждет чего-то и делает вид, что что-то должно произойти, но ничего не происходит.

Человек продолжает ждать, ждать, и ждать: ждать Годо. Кто этот Годо? Никто не знает. Но все же человек продолжает проецировать, чтобы избежать внутренней пустоты.

У хасидов есть высказывание, что человек — прах, и в прах возвратится. Прах — в прах. А между сим и тем неплохо бы выпить. Действительно, замечательно! — состоит из праха, вскоре снова станет прахом. А между сим и тем неплохо бы выпить. Это "выпить" -желание, проекция, амбиция, будущее, воображение. Иначе вы вдруг поймете, что вы просто прах и ничего больше. Надеясь на будущее, ожидая будущего, прах создает мечту вокруг себя, и главное ее достоинство — мечта ослепляет. Благодаря мечте, вы чувствуете, что вы кто-то. Мечтание ничего не стоит, мечтать могут все. Нищий может мечтать, что он император; нет закона, запрещающего мечтать. Чтобы избежать **быть**, проецируется мечта становления. Двое бродяг из пьесы Беккета олицетворяют все человечество. Человек — бродяга. Откуда вы? Не можете сказать. Куда вы? Не можете ответить. Где вы сейчас, в этот момент? Можно только пожать плечами. Человек — бродяга, путник, без дома в прошлом, без дома в будущем, странник в постоянном странствии, странствии без конца. Беккет прав: эти двое бродяг -все человечество.

Но чтобы создать мечту, одного недостаточно, нужны двое. Одного мало — нужна помощь другого.

Вот почему тот, кто хочет выйти из мечтания, пытается остаться один, приходит к мечтанию. Он медитирует, отправляется в Гималаи. Он пытается быть один. Мечтать одному трудно. Постепенно, снова и снова, вас отбрасывает к вашей реальности. Нет оправдания, нет поддержки: нужен другой.

Вот почему, когда влюбляются, мечта внезапно воплощается. Другой здесь; теперь мечтать можно вместе, можно помогать друг другу избегать себя. Потому-то так велика потребность в любви: это потребность в мечте.

Одному мечтать трудно. Мечта снова и снова разрушается, и вас отбрасывает к обнаженной реальности, к пустоте. Нужен любящий — кто-то, за кого можно цепляться, на кого можно смотреть, с кем можно делиться. Любящий — тот, кто заполнит пропасть, кто уведет вас от себя, чтобы не оказаться лицом к лицу с обнаженной реальностью. Двое бродяг сидят. Занавес поднимается. Они ждут Годо. Они не спрашивают друг друга: "Кто этот Годо, в конце концов?" Потому что спрашивать опасно. Оба в глубине души знают, что ждать им некого. Рискованно, опасно спрашивать кто такой Годо. Опасно даже затрагивать этот вопрос — мечта может разрушиться. Они боятся, потому и не спрашивают. Они постоянно избегают вопроса: "Кто такой этот Годо?" Это основной вопрос, который следует задать в первое же мгновение, достигнув понимания. Вы ждете Годо. Спросите же: кто этот Годо!

Но в этом они очень осторожны, зато они говорят о многом другом. Они говорят: "Когда он придет? Ты уверен, что на этот раз он сдержит обещание? Вчера он обманул. Позавчера он не пришел. И сегодня тоже: обещанное время уходит, а не похоже, чтобы он появился". Они снова и

снова глядят на дорогу: дорога пуста.

Они никогда не задают основного вопроса. Никогда не спрашивают: "Кто же этот Годо?" Никогда не спрашивают: "Когда он обещал тебе быть? Где ты его видел? Откуда ты знаешь, что он есть?" Нет, они этого не касаются.

Так и живут люди в мире: они никогда не задают основного вопроса. Это опасно, это предельно опасно. Надо прятаться. Надо делать вид, что знаешь основной вопрос. Все задают вопросы только второстепенные. Заметьте, когда вы приходите ко мне, редко случается, чтобы кто-нибудь задал главный вопрос. А если я пытаюсь подвести вас к главному, вы пугаетесь. Вы задаете тщетные вопросы; на них можно ответить, но этим вы ничего не достигнете: это не главное. Это подобно тому, как если бы ваш дом горел, а вы спрашивали: "Кто посадил эти деревья?" Вопрос кажется естественным, на него можно ответить, но что вам из того? Спрашивайте о главном.

Дом горит — надо что-то делать. Но об этом **никогда не спрашивают**.

Двое бродяг снова и снова говорят: "Этот день окончен, а он не пришел". И помогают друг другу: "Должен прийти, он, должно быть, опаздывает. Есть тысячи препятствий, но на него можно положиться, ему можно верить". А этот "он" — просто пустота. Вот миновал еще день, и он не пришел; они почувствовали, что с **них** хватит, и сказали: "Хватит, довольно. Все — значит все!" **Они** собираются уходить, больше ждать не могут, — но никуда они не уходят. На другой день они опять тут, сидят на том же месте и снова ждут Годо. Но вчера они решили, решили со всей серьезностью, что уйдут, что кончено. Так можно прождать всю жизнь. "Если он придет — хорошо, не придет — тоже хорошо". Почему же они не ушли? Снова и снова они говорят, что уходят. Но вот вопрос: куда идти? Уйти можно, но куда? Куда бы вы ни пошли, вы снова будете ждать Годо. Перемена места не поможет.

Вот почему человечество в такой суматохе: люди стали путешественниками. Они отправляются из одной страны в другую. Они всегда в пути. Они всегда куда-то собираются. Никогда ничего не достигают, но всегда куда-то отправляются: они просто убегают оттуда, где они есть. Если они в Америке — едут в Индию. Если в Индии — в Японию. Если в Японии — уезжают в Непал и т. и. Они никуда не идут! Они просто стараются уйти оттуда, где они есть. Но все остается тем же. Ничего не меняется. Потому что перемена места тут не поможет. Кстати, эти бродяги честнее, искреннее. Рассердившись, они решаются. Плюются, клянутся и говорят: "Хватит, довольно! Завтра утром нас здесь не будет. Хватит ждать Годо. Мы уходим". Назавтра снова поднимается солнце, а они на том же самом месте, сидят и ждут. Они совсем забыли, что прошлой ночью решили уйти. Куда идти? Идти некуда — это вторая правда о человечестве.

Первая: ничего никогда не случается. Кажется, что что-то происходит, но вы остаетесь тем же. Загляните в себя — что там изменилось? Вы были ребенком и много мечтали, затем подросли и, все равно, все время мечтали. Теперь вы стали старым, а все еще мечтаете. Раньше вы мечтали о богатствах этого мира; теперь вы, может быть, мечтаете о богатствах иного мира. Но разве в вас что-то изменилось? И не пугайтесь: пугаясь, вы начинаете задавать второстепенные вопросы.

Религия задает главный вопрос, самый основной, и задать его мужественно очень важно, так как в самом вопрошении вы подходите ближе к центру.

Вторая правда: вы идете, идете и идете, от одного места к другому, от одного настроения к другому, от одного уровня к другому. Вы никуда не приходите.

Достигли вы какого-то места? Можете ли сказать, что прибыли куда-то? Это всегда отбытие — прибытия никогда не происходит. Поезда всегда отъезжают, самолеты всегда стартуют, люди всегда наготове в зале ожидания. Всегда отбытие — никакого прибытия. Вы никогда никуда не прибываете. Абсурд. Но вы никогда не задаете эти два главных вопроса.

И тогда сам собой возникает третий: кто вы? Потому что нет смысла спрашивать, кто такой Годо. Это ваше создание: ваши Боги — ваши создания. Забудьте, что сказано в Библии, будто бы Бог создал человека по образу и подобию своему. Все как раз наоборот: человек создал Бога по своему образу и подобию. Это Годо. Это ваше создание. Это ваша мечта.

Чтобы как-то почувствовать свою значительность, важность, вы создали Бога на небесах. Бог не создал мира. Бог не создал человека. Человек создал все эти представления.

Настоящая религия, подлинная религия не спрашивает, кто такой Бог. Она спрашивает: "Кто я?" Я должен прикоснуться к моему основному источнику. Там, и только там — откровение, Иисус, Будда, Бал Шем Тов <Бал Шем Тов — рабби, основатель хасидизма — прим. пер.>- они задают основные вопросы.

Второе, что надо понять об основных вопросах: у основных вопросов нет ответов. Вопрос и есть ответ! Если вы спрашиваете, то вопрос содержит ответ. Это не значит, что если вы будете твердить: "Кто я? Кто я? Кто я?..", то однажды узнаете, что вы это "а", "б", "в"... Нет, вы никогда не узнаете этих "а", "б", "в"... Постепенно, чем больше вы спрашиваете, тем глубже проникаете в вопрос, и однажды, внезапно, вопрос исчезнет. Вы стоите лицом к лицу со своим существом, вы открыты своему существу. Вопрос исчез -но и нет никакого ответа.

Пусть это станет критерием: если на вопрос можно ответить, — он не основной. Если по мере спрашивания вопрос исчезает — он основной. В самом исчезновении вы достигли; и впервые что-то произошло. Впервые вы уже не прежний. Годо не пришел, но ожидание исчезает. Вы не ждете. Вы прибыли. И раз вы прибыли, качество вашего существования совсем другое. Тогда можно праздновать.

Как можно праздновать, когда вы еще не прибыли? Вы печальны, несчастны. Как можно плясать, когда цель еще так далека? Так далека, что, кажется, для вас нет никакой возможности ее достигнуть. Как можно быть счастливым? Как можно наслаждаться? Как может радость прийти к вам? Вы все еще на пути. Семя — еще семя, а до цветка еще далеко. Нет, невозможно. Когда семя становится цветком, тогда — радость, тогда — восторг. Как только вы поймете, кто вы, как только вы глубоко проникнете в свою пустоту и не испугаетесь; как только вы примете внутреннюю смерть и не будете пытаться ее избежать, проецируя и мечтая; как только вы примете, что вы прах и в прах обратитесь, — а между этими событиями нет ничего, кроме глубокой пустоты, — вы достигнете того, что Будда называл *нирвана*. И это то, что хасиды называют *Бог!* Это не ваш Годо.

Евреи всегда настаивали на том, что **имя** Божие нельзя произносить, потому что, произнося, вы искажаете его. Оно непригодно; оно невыразимо. Можно заключить его в свое сердце, но нельзя поведать его. Можно стать им, но нельзя его выразить.

И евреи совершенно правы в этом. Бог — не существо; это явление столь огромное, столь бесконечное, что никакое слово не может его вместить. Его может вместить только бесконечное сердце. Его может вместить только бесконечная внутренняя пустота.

Когда вы входите в себя, вы чувствуете, что входите в пространство, где вы потеряетесь — как капля воды, упавшая в океан. Вы потеряетесь — отсюда страх. Вот почему вы боитесь смерти и начинаете мечтать: проецировать будущее.

Вхождение в свое существо всегда подобно смерти. Это распятие. Это крест. Но если вы достаточно мужественны... А трус никогда не может стать религиозным. Только очень редкие мужественные души, которые могут принять риск потеряться, достигают. За это надо платить: чтобы достигнуть, надо потерять себя, и ничего меньшего не хватит.

Как только вы готовы войти в пустоту, внезапно страх исчезает. Та же энергия становится праздником. Можно плясать, потому что то, что казалось пустотой, было только представлением ума. Оно оказалось не пусто. Оно оказалось столь полно, что ум не смог

вместить всю его полноту!

Ум бесполезен. Ум отброшен. Ум пуст. Он постигает язык пустоты. Если что-то очень полно, ум не может понять этого. Это подобно всей жизни, прожитой в потемках. И вдруг вас вывели на солнечный свет, — ваши глаза ослепли. Света так много! Вы не можете открыть глаза. Вы видите темноту. Стоя перед солнцем, вы стоите в темноте.

До сих пор вы жили рассудком. Ум — значит будущее. Ум — значит то, чего нет. Ум — значит сон, кажущееся, иллюзия, майя. Майя означает кажущийся мир. Вы создали свой мир и живете в нем. Вы создали свою галлюцинацию и живете в ней. Ваш ад и ваш рай -все это от ума. Когда вы вошли внутрь своего существа, ум не может понять. Ему совершенно незнаком новый язык, новая территория. Она ему совершенно неизвестна. Ум не может справиться с ней. Он пустеет — это столь огромно. Свет столь яростен и ослепителен — ум становится пустым и чистым. Вы боитесь и убегаете. Тогда вы создаете ложного Бога — Годо.

Годо — ложный бог. Это, может быть, богатство. Это, может быть, положение и власть. Политика. Ваше "Я". Бог на небесах. Но все это -Годо. Вы создали это. Вы не знаете, что это. Не зная, что это, вы создаете свой сон вокруг себя, вокруг него.

Настоящая религия — это вопрошание о том, что есть. Ненастоящая религия — придуманная. Настоящая религия — открытие. Ненастоящая религия — изобретение. Ум изобретает. Ум — это барьер. А раз уж он изобретает, он создает великие философии: христианство, индуизм, иудаизм.

Все великие мистики — хасиды, мастера дзен, суфии — бунтари. Так им приходится. Религиозный человек — бунтарь: у него нет другого выхода. Религия и бунт — две стороны одной медали. Есть религии Годо: церкви, мечети, храмы, организованные вокруг вероучения, организованные из-за страха человека, организованные чтобы ум мог уйти от внутренней пустоты. Учения, догмы — все это для того, чтобы заполнить вас. Все это барьеры. Иисус, Будда и Бал Шем Тов — бунтари по необходимости. Я не называю их революционерами, я называю их бунтарями, и надо хорошо понять разницу.

Революционер — это тот, кто хочет изменить общество, кто хочет изменить правительство, кто хочет изменить структуру: экономическую, политическую, религиозную. Революционер не духовен. Его не волнует изменение себя самого. Он думает: "Если изменятся другие, тогда все будет прекрасно". Революционер живет в иллюзии. Все революции не удалась, полностью провалились. Но конечном счете, революция не может иметь успеха. Само направление ложно: это усилие изменить других.

Бунтарю не важна структура общества, государства, правительства. Для него важно его собственное существо. Он индивидуален. Революционеры образуют партии. Бунтарь один; он сам себе революция. Куда бы он ни пошел, революция струится вокруг него. Само его существование — преобразующая сила.

Иисус, Будда, Заратустра — все это бунтари. Они изменили свое существо, они прибыли. Даже если посмотреть на них снаружи, видны: ясность, спокойствие, тонкая радость — то, как они дышат, то, как они двигаются. Можно наблюдать, можно чувствовать, можно слышать звук, окружающий их — тонкая зыбь внутреннего спокойствия. Если вы откроете себя, она достигнет вас. Случился бунт — состояние существования совсем другое. Старое умерло, новое родилось. В этом смысл распятия и воскресения Христа. Это метафора. Не старайтесь искать здесь историю. Принимая метафору за историю, вы поступаете очень глупо. Это прекрасная поэтическая метафора. Христос распят и на третий день воскрес. Новая жизнь — теперь бессмертная, теперь вечная.

Двигаясь внутрь, вы встречаетесь с внутренней пустотой, вы умираете. Должен быть разрыв. Эти три дня символичны. Должен быть разрыв. Вы пролежите мертвым три дня, как Иисус в

склепе. Нужен интервал, чтобы старое полностью исчезло. Учтите: полностью совершенно; не должно остаться ни кусочка, потому что он может испортить новое. Вот почему нужен разрыв: чтобы старое полностью ушло и вошло новое. В них нет никакой непрерывности. Тут нет непрерывности вовсе.

Это разрыв. Иисус, сын Марии и Иосифа, умер; а через три дня воскрес Христос, Сын Божий.

Обычные религии — псевдодействия. Будьте осторожны! Можно заниматься ими и, занимаясь, чувствовать приятность. Занимаясь, вы можете забыть себя. Можно войти в сущность тонких теорий, и в этом может быть определенное интеллектуальное удовольствие, интеллектуальный восторг. Можно углубиться в ритуалы, и это будет своего рода наркотиком.

Если непрерывно твердить мантру, вы почувствуете наркотическое опьянение. Звук создает некий внутренний алкоголь. Можно прибегнуть к снадобьям; вы измените свою химию и на несколько мгновений достигнете высоты, но высоты ложной, высоты ненастоящей, потому что вы не доросли до нее. Вас подтолкнула химия.

Это надо хорошо понять: химию тела можно изменить многими способами. Изменить можно снадобьями: ЛСД, марихуаной и проч. Ее можно изменить старым методом: избытком кислорода в крови. Можно надыхаться кислородом, и это изменит вашу химию. Если вы спешите, это меняет вашу химию. Даже стояние на голове меняет вашу химию, потому что увеличивается приток крови к мозгу.

Через ритуалы, изучение религии, веру, самогипноз вы достигнете нескольких проблесков, но они будут ложны. Это все равно, что во сне увидеть восходящее солнце. Во сне оно не настоящее — галлюцинация. Вы проснетесь — вокруг темная ночь.

«

Ложная религия, церковь, организация снабжают вас наркотиками, снадобьями. Может быть, они против современных снадобий, но они не против снадобий вообще. Они всегда за старое: старое для них лучше.

Я против всех снадобий старых и новых. Я даже против йоги — так как это тоже способ изменить химию. Что же тогда делать? Я прочту вам историк) — *"Иди со своим светом..."*

Молодой раввин жаловался рабби из Ризхина: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?"

Так бывает. Если вы слушаете меня, это может случиться и с вами. Слушая меня, иногда вы могли бы почувствовать жизнь и свет, потому что даже слушание меняет химию тела. Слушая мой голос, ритм с постоянным, пробужденным вниманием, вы изменяете химию тела. Вы слушаете меня — ваши мысли останавливаются. Вы смотрите на меня — происходит тонкий гипноз. Вы чувствуете жизнь, свет. Но не полагайтесь на него. И не принимайте его за достижение.

Я спрашивал: "Какая медитация вам больше подходит?" Многие отвечали: "Утренние беседы. Когда мы слушаем Вас, медитация становится глубже". Но это — вид гипноза. Осторожно! Должно быть, это случилось и с молодым раввином.

"В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит".

Когда вы оставляете этот зал и идете по своим делам, как долго длится та глубокая медитация, которую вы чувствовали рядом со мной? Она проходит. Не дойдете вы еще до ворот, а ее уже нет — и хорошо, что нет. Иначе вы бы остались в иллюзии навеки. Хорошо, что ее нельзя унести с собой. Хорошо, что на нее нельзя положиться. А то вы такие, что сделали бы из нее сокровище и забыли бы, что она не ваша.

Пока религия не ваша, она еще не пришла. И это есть то важное, что надо запомнить, так

как ум изо всех сил старается об этом забыть — так это дешево и легко.

Слушая меня, читая Гиту, Талмуд, Библию вы восхищаетесь в своем уме. В вас действует постоянная сила. Ею может быть Иисус, Будда или я: что-то снаружи тянет вас вверх. Когда этого нет, вы падаете обратно в свою реальность. И, как правило, падаете еще глубже, чем раньше.

Представьте, что вы идете по дороге темной ночью. Мимо проносятся машины. На мгновение сильный свет, — фары машины ослепили вас. Затем машина проносится дальше. Темнота еще гуще, чем раньше. Слушая меня, читая Гиту, Коран, Талмуд, вы видите несущиеся машины с сильными фарами. На мгновение вы ослеплены, выхвачены из окружающей вас бесконечной ночи. Но, когда машина уходит, когда Будда уходит, когда Христос уходит, вы вдруг оказываетесь в еще большей темноте, чем раньше.

Я думаю, что вы знаете, какое множество мистиков родилось в Индии. Вот почему Индия в такой тьме. Столькие ослепляли ум: Будда, Махавира, Кришна — их тысячи, длинная процессия, один за другим. Они восхищали, люди попадали под их гипноз. А когда они уходили, люди попадали в еще более темную ночь, чем прежде.

Взгляните на ум индийца: в мире не найти большего гнилья. Он прогнил до корней. А причина в следующем: так много света, и так мало способности воспринять его — способность воспринимать свет приходит, только когда вы выросли.

Не смотрите на Солнце — вы сожжете ретинии. Надо учиться этому, а учебой я называю увеличение способности. Глаза должны становиться сильнее и сильнее — и тогда смотрение на Солнце поможет вам, очень поможет. Теперь даже ученые согласны с тем, что есть центр, называемый третьим глазом (они называют его по-своему, но это неважно, некая железа, или что-то еще), питающийся светом. Если вы будете смотреть на лампу, на пламя, третий глаз начнет действовать. Он питается светом. Вот почему трудно заснуть днем: светло, и третий глаз действует, вибрирует. Вот почему трудно заснуть ночью, если горит свет. Нужна темнота, иначе третий глаз будет продолжать работать, а работа третьего глаза -его сознание. Отсюда индуистский метод тратака — глядеть на пламя. Если долго глядеть на пламя, несколько месяцев по часу в день, то ваш третий глаз заработает превосходно. Вы станете более пробужденными, более наполненными светом. Слово "тратак" — от корня, означающего слезы. Надо глядеть на пламя, пока слезы не потекут из глаз. Продолжайте смотреть, не мигая, и третий глаз начнет вибрировать. Но не смотрите на солнце! К солнцу надо подходить постепенно. Если вы сможете смотреть на солнце 30 — 40 минут, не сжигая ретинии, возможно немедленное просветление, потому что третий глаз напоен светом.

Когда вы смотрите на меня, внутри появляется маленький свет. Вы слушаете меня. Становитесь внимательны. Когда вы внимательны, третий глаз концентрируется. Вы смотрите на меня, созерцаете меня или читаете книгу... не обычную книгу — книгу, которая пришла от того, кто достиг: Тору. Прошли тысячи лет, но человек произнесший или написавший эти слова... Знать бы, кто он... Некие вибрации все еще длятся Становясь внимательными, вы чувствуете свет; а всегда, чувствуя свет, чувствуете жизнь. Надо запомнить это сочетание. Когда вы чувствуете себя мертвым, вы чувствуете тьму. Когда вы чувствуете жизнь, вы чувствуете свет.

У Иисуса есть изречение: "Следуйте за мной. Ноша моя легка" (light (англ.) — свет, легкий). Обычно это трактуют: "Ноша моя не тяжела", но это неверно. Когда Иисус говорит: "Ноша моя легка", он имеет ввиду просто свет. Он не говорит "не тяжела". "Следуйте за мной. Моя ноша — свет". "Единственная ноша, что я несу -свет".

А у света нет веса, вот почему второе значение "не тяжела". Свет — самое невесомое на свете, самая нематериальная материя. А всегда, когда вы чувствуете свет внутри, вы чувствуете переизбыток энергии.

Молодой рабби говорит: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?"

Рабби из Ризхина ответил: "Ты подобен человеку, пробирающемуся через темный лес ночью, и какое-то время другой человек с лампой сопровождает его; но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты".

Я встретил вас на дороге, и у меня есть лампа. Внезапно вы больше не во тьме. Но лампа — моя. Вскоре мы расстанемся, потому что ваш путь — это ваш путь, а мой — это мой. У каждого есть собственный путь достижения своего предназначения. На время вы вовсе забываете о темноте. Мой свет светит и для меня и для вас. Но вскоре придет миг, когда мы расстанемся. Я пойду своим путем, а вы — своим. Тогда вам снова придется пробираться наощупь в темноте, а тьма будет еще темнее, чем раньше.

Так что, не полагайтесь на чужой свет. Лучше пробираться в темноте, но пусть эта темнота будет вашей. В чужом свете нет ничего хорошего; своя темнота лучше, чем чужой свет. Если вы живете в своей тьме, то постепенно тьма будет становиться все менее и менее темной. Вы научитесь брести наощупь. Вы научитесь этому искусству, вы не будете падать.

Слепые не падают. Попробуйте идти с закрытыми глазами. Будет трудно. Вам не удастся пройти даже сто метров, а слепые могут идти так все время. Это их слепота. Закрыв глаза, вы занимаете слепоту. Она не ваша. Даже своя тьма лучше, свои ошибки лучше, чем чужие достоинства — запомните это, потому что ум всегда склонен к подражанию, заимствованию. Но то, что важно, невозможно занять.

Нельзя войти в Царство Божие с занятыми деньгами: туда нет дороги. Нельзя подкупить стражу: там нет стражи. Нельзя войти потайной дверью, как вор: там нет никаких дверей.

Придется идти и, идя, создать свой путь. Готовые пути невозможны. Это то, чему продолжают учить людей ложные религии: "Идите, это лучший, высший путь. Станьте христианами — и вам не о чем тревожиться. Тогда мы возьмем ваше бремя, тогда мы будем в ответе".

Иисус говорит: "Будьте собой". Ватиканский папа говорит: "Следуйте христианству". Все христиане против Христа, все церкви против Христа, против религии. Это цитадели антирелигии и антихристианства, потому что те, кто знает, подчеркивают, что надо быть самим собой. Нет другого пути. Все остальное — ложно, неискренне, подражательно, уродливо. Единственная прекрасная возможность достигнуть Бога — быть самим собой, — в такой чистоте и невинности, чтобы ничто постороннее не вторгалось в вас.

Идите в своей тьме; идя, пробираясь, постепенно вы найдете и свой свет. Когда вы в своей тьме, свет не так уж далек. Когда ночь очень темна — близко утро, оно уже наступает.

Но если вы будете полагаться на заимствованный свет, вы потеряетесь. Тьма никогда не бывает столь опасна, как заимствованный свет. Знание — хорошо, но в знаниях нет ничего хорошего. Знание — ваше, знания — чужие.

"Ты подобен человеку, пробирающемуся темной ночью через лес, и какое-то время другой человек с лампой сопровождает его. Но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному".

Будда умирал. Сорок лет он шел с лампой, и тысячи следовали за ним. Теперь он умирал. Однажды утром он сказал: "Это мой последний день. Если у вас есть что спросить, спрашивайте. Настал час, близко перекресток; теперь каждый должен идти своим путем".

Беспросветная тьма окутала каждого. Ананда, любимый ученик Будды, заплакал, как дитя; у него из глаз катились слезы, он ударял себя в грудь, почти помешавшись.

"Что ты делаешь, Ананда?" — спросил Будда. "Что нам теперь делать?" — ответил Ананда. —

Ты был здесь, мы шли в твоём свете. Все было безопасно и хорошо. Мы совершенно забыли, что есть тьма. В следовании за тобой все было светом. Сорок лет. И теперь ты уходишь — ты оставляешь нас в полной тьме. Нам было лучше до того, как мы встретили тебя. Мы, по крайней мере, привыкли к темноте; теперь и эта привычка утрачена. Не оставляй нас во тьме. Мы не смогли достичь просветления, когда ты был здесь, что же будет, когда ты уйдешь? Мы погибнем навеки". И он снова принялся плакать и стенать. "Послушай, — ответил Будда, — сорок лет ты шел в моем свете и не смог достигнуть своего. Думаешь ли ты, что если бы я прожил еще сорок лет, ты бы достиг своего света? Четыре тысячи, четыре миллиона лет? Чем дольше ты идешь в заимствованном свете, чем больше подражаешь, тем больше ты теряешь. Лучше мне уйти".

Последние слова, слетевшие с уст Будды были: *"Будьте сами светом для себя"*. *Anno dno bhava*. Он умер, произнося: "Будьте сами светом для себя".

Прекрасная история. На следующий день Ананда достиг просветления. Он не мог достичь просветления сорок лет, **а он очень** любил Будду; он стал почти его тенью — и не мог достигнуть. Заимствованный свет — он слишком полагался на него. Это было так прекрасно, так доступно, без усилий. О чем еще заботиться? А через 24 часа после смерти Будды он стал просветленным. Что случилось?

Двадцать четыре часа горького плача во тьме, реальности, своей беспомощности. Долгими были для Ананды эти двадцать четыре часа. Это был чернейший период — болезненный, полный страданий, агонии. Он прошел через ад. Говорят, что эти двадцать четыре часа он лежал под деревом, как мертвый, все тело его сотрясалось, непрерывно текли слезы. Люди думали, что он сошел с ума, что он не сможет пережить смерть Будды.

Но через двадцать четыре часа он стал совсем другим. Он открыл глаза, и никто не мог поверить: в этих глазах было то же сияние, что и в глазах Будды. Его тело стало столь же прекрасным, он разливал то же благоухание. Он шел как Будда. Ананда достиг своего света.

Рабби из Ризхина ответил: "Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой тьмы".

Не нужно всему миру быть наполненным светом, чтобы вы могли идти. Нужен свет только в вашем сердце. Маленькое пламя — и этого достаточно, потому что оно осветит для вас следующий шаг. Никто не проходит больше одного шага сразу. Маленький огонь понимания в сердце, полноты ума; дхьяна, медитация. Маленькое пламя — и этого достаточно. Оно немного осветит ваш путь. Вы шагнете — оно осветит то, что дальше.

Лао Цзы говорит: "Делая за один раз по шагу, можно пройти тысячу миль". А Бог не так далеко.

Годо очень далеко. Вы никогда его не достигнете. Будете ждать, ждать и ждать. Это ожидание; Годо — это ожидание, ожидание бесконечное. Это только воображение. Его нет. Это как горизонт. Кажется, всего в нескольких милях от вас небо касается земли. Вы думаете: "Два-три часа пути, и я достигну горизонта". Вы никогда не достигнете его. Небо нигде не соединяется с землей. Можно снова и снова обойти вокруг земли, можно вращаться вокруг нее миллионы раз — вы никогда не встретите горизонт. А он будет всегда рядом, впереди вас, ожидая вас.

Годо — это горизонт; это ожидание. Он заполняет пустоту, обманывает вас. Это только обман. А Бог недалеко — Бог прямо там, где вы сейчас!

В Упанишадах сказано: "Бог далеко. Бог близко". В моем переводе это выглядело бы так: "Годо далеко. Бог всегда близко". Он здесь и сейчас.

В этот момент — кто окружает тебя? В этот момент — кто бьется в тебе? В этот момент — кто говорит с тобой? В этот момент — кто слушает тебя?

Бог — это жизнь. Бог — это бесконечный океан энергии. Где-то дерево и цветок. Где-то

поток и песня. Где-то птица. Где-то камень. Где-то вы, и где-то я.

Вильям Блейк спросил однажды: "Кто такой Бог?" И ответил: "Иисус, ты и я".

Бог — это все. Бог просто имя всего. Бог — это не сидящий там, всевышний судия или что-то вроде этого. Бог — это все. Вы в нем. Он в вас. Бог близко. Нужно только маленькое пламя, маленький свет внутри. Тогда вы живете впервые. Иначе вы просто желаете, вы никогда не жили. Вы только надеетесь жить когда-нибудь, как-нибудь, когда придет Годо.

Жить можно только в этот момент. Когда я говорю об этом, не начинайте обдумывать, потому что мышление — это процесс, который уведет вас в будущее.

Слушайте меня и понимайте. Тут не надо думать. Я не излагаю вам теорию, я просто сообщаю вам факт. Я не даю вам учение, я просто указываю на то, что есть. Не надо об этом думать, надо просто слушать, а если вы слушали хорошо, внимательно, понимание приходит мгновенно.

Вы будете сбиваться с пути снова и снова: это мой свет. Но раз узнав, что свет возможен, что мой свет возможен, вы уверяетесь, что ваш свет тоже возможен. Если это произошло с ним, то почему бы и не со мной? Кости у меня такие же, как у вас, кровь у меня такая же, как у вас, плоть у меня такая же, как у вас. Я такой же прах, как и вы. И этот прах станет прахом, как и ваш.

Если нечто извне стало возможным для этого человека', можно быть уверенным; не надо колебаться — вы тоже можете прыгнуть. В эти дни, пока вы со мной, мы будем идти вместе и с моим светом.

Наслаждайтесь им, но помните: не полагайтесь на него. Читайте Тору, читайте Библию, наслаждайтесь. Они действительно прекрасны. Но не полагайтесь на них. Наслаждайтесь, чтобы ваше стремление, ваше желание приобрело устремленность, настойчивую жажду прибыть. Прибыть туда, где вы уже есть. Это не значит куда-то отправиться; это значит быть там, где вы есть.

Религия — не цель. Она — откровение. Религия — не желание; она — реальность. Нужен только маленький поворот, я говорю "только маленький" — и все возможно. Жизнь становится возможной. Иначе вы проживете пустым, в ожидании. Не будьте бродягами из пьесы Беккета. Вы и так уже долго прождали. Теперь хватит!

Начните жить! К чему ждать? Чего ждать? Кто этот Годо, в конце концов?

В этот миг все существование протекает через вас. В этот миг все, что есть в этом мире, кульминирует в вас. В этот миг вы — крещендо. Наслаждайтесь этим. Вы можете понять, что цель — вы. Тогда очень просто будет понять и этот маленький анекдот — очень значительный и глубокий.

Вы — цель. Вы — путь. Вы — свет. Вы — все.

В этом смысл фразы: "*Вы святы*" (whole — целое, все; holy — святой. You are whole = You are holy).

Если вы пришли ко мне, помните: я буду только надеждой, воодушевлением, чтобы вы пришли к себе. Позвольте мне это и помогите, чтобы я вернул вас к вашему внутреннему существу. В этом назначение Мастера. Мастер помогает вам стать собой.

У меня нет для вас никаких образцов, никаких ценностей, никакой морали. У меня есть для вас только свобода, чтобы дать ее вам, чтобы вы могли цвести, чтобы вы могли стать лотосом, светом.

И жизнь вечная...

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС Даже в словах, что вы против идеологии, есть некая идеология. Можно, говоря всерьез, обойтись без этого?

ОТВЕТ Об этом не только нельзя говорить серьезно — об этом вообще невозможно говорить. Дело не в серьезности. Просто говорить об этом невозможно, так как, говоря, используешь язык.

У языка есть образец, язык сам есть идеология. Пользоваться языком значит попадаться на его. удочку. У языка есть логика, система, субстрат. Раз о чем-то заговорив, вы попали в мир идеологии.

Но говорить — неизбежное зло. Надо его сносить. Я бы предпочел не разговаривать; я бы предпочел передавать и общаться прямо, без языка; но тогда я не достиг бы вас. Молчание не было бы понято.

Так что мне приходится пользоваться языком, хорошо зная, что это неизбежное зло; хорошо зная, что вам следует преодолеть его; хорошо зная, что им нельзя передать то, что лучше слов; хорошо зная, что, как только правда произнесена, само произношение искажает ее. Но прежде, чем вы сможете понимать молчание, должно произойти это общение: от сердца к сердцу.

Итак, я говорю, чтобы помочь вам стать ближе к молчанию. Из моей речи вы не поймете молчания, но у моей речи может быть вкус, аромат. От моей речи, быть может, вы сумеете услышать молчание; оно всегда здесь, между двумя словами; оно всегда здесь, между двумя фразами.

Что бы я ни говорил — неважно; важен промежуток. Не обращайтесь слишком много внимания на то, что я говорю. Слова подобны берегам реки; берега — это не река. Не слишком-то привязывайтесь к берегам. Они не утолят вашей жажды. Забудьте о берегах -ищите между ними. Промежуток, молчание между словами — это река. Это то, что я пытаюсь передать вам.

Я знаю, вы слушаете слова, вы не слушаете молчания. Психика должна измениться. Однажды это произойдет. Вы будете слушать, и однажды это случится. Внезапно, впервые слова перестанут быть важными, важно будет существование, которым я касаюсь вас. Уши продолжают слушать слова, но сердце двигается в неизвестном направлении.

Нельзя предугадать, когда это случится, но это случится. Вот почему на Востоке так ценится *самсанг*. *Самсанг* означает "быть с Мастером". Когда он говорит, быть с ним. Когда он сидит, быть с ним. Когда он смотрит на вас, быть с ним. Когда он не смотрит на вас, тоже быть с ним. То есть иметь чувство потока между тем, кто знает, и тем, кто стремится. Однажды они начинают звучать слитно, и этот день непредсказуем; тут ничего нельзя поделать. Чем больше вы будете что-то делать, тем больше будете упускать это.

Так что, просто слушайте мои слова, но постепенно смещайте внимание к молчанию, паузе. Порою я ничего не говорю. Порою я просто смотрю на вас. Именно в этом весть. И если вы слушаете эту весть, это не учение. Это и не антиучение. Потому что антиучение — тоже учение. Быть против — значит быть в мире идей.

Я не против учения. Как я могу так согрешить? Я не против, я вне. Учение и антиучение — оба — остались в долине. Я перешел в другой мир: вершина, которая вне. Я не учу вас антиучению. Я не учу вас чему-то, относящемуся к миру концепций и мыслей. Я учу вас "себе"! Я учу вас способу быть, другому качеству существования.

Слушайте мои слова. Но не только слушайте — сливайтесь. Однажды вы поймете даже то, чего не высказать словами.

Проблески возможны даже от слов. Когда вы почувствуете мое молчание, мои слова

приобретут иное значение. Тогда они перестанут быть просто словами, просто звуками. Они станут цветением.

Трудное дело — говорить о молчании.

В дзен утверждают, что это все равно, что продавать воду у реки. Рядом течет река, но вы слепы и приходится торговать водой. И, конечно, вы платите, хотя рядом — целая река. Это все равно, что поливать сад, когда идет дождь. Или, как сказано в индийских священных писаниях: "Это приделывание ног змее, чтобы помочь ей двигаться!" Глупо, абсурдно — змея прекрасно может обойтись без ног. На самом деле, ноги ей мешают. Но что делать? Змея говорит: "Помогите!". Или, как сказано в даосских текстах: "Говорить об истине все равно, что надевать шляпу на человека, на котором уже есть шляпа". Напяливать одну шляпу поверх другой бессмысленно.

Ну и что же я здесь делаю? Я просто даю вам терпение, способность ждать, наблюдать. Это усилие было со мной. Вначале это похоже на усилие, но придет день, и это перестанет быть усилием. Вы будете здесь без усилия. Тогда вы поймете меня — буду ли я в этом кресле или нет, буду ли я в этом теле или нет. Но прежде, чем это случится — это высшее цветение вашего молчания, — мне придется окапывать и окапывать куст, все кругом и кругом.

И второе, в ответ на этот вопрос: я не серьезный человек. Я выгляжу серьезным, но внешность обманчива. Я несерьезный человек; я совершенно несерьезный человек. И только таким может быть просветленный человек.

Серьезность — мирское. Это от ярмарки. Вы найдете ее в церквях — там ее даже слишком много. Ваши церкви — только часть ярмарки, часть мира товаров. Я слышал одну еврейскую шутку: "Еврей пришел в синагогу сдохлым котом и спросил раввина, не может ли тот похоронить кота в освященной земле. Раввин ужаснулся, возмутился, вскочил. "Что! Ты, добрый еврей, просишь своего раввина похоронить грязного дохлого кота в святой земле? Нет! Никогда! Ни за что! Ни в коем случае!" Тот поднялся и сказал: "Тогда я не смогу отдать вам десять тысяч фунтов, которые кот оставил вам в своем завещании". Раввин снова вскочил: "Постой, не спеши! Ты балда! Что же ты не сказал раньше, что кот был евреем?"

Ваши синагоги, ваши церкви, ваши храмы — все они принадлежат ярмарке; им приходится быть серьезными. Мир слишком серьезен, ему приходится быть таким: над ним всегда висит смерть. Приходится быть серьезным. Даже когда вы смеетесь, в вашей смехе скрыты слезы. Даже когда улыбаетесь, ваша улыбка не полная, она принуждена, болезненна. Это не внутреннее цветение. Вовсе нет.

На ярмарке вы научились быть слишком серьезными. Тогда и церкви ваши стали серьезны. Ваши боги не умеют улыбаться.

Христиане говорят, что Иисус никогда не улыбался, не смеялся. Какая нелепость! Иисус не смеется? Кому же тогда смеяться? Если даже Иисус не смеется, тогда смех становится совершенно невозможен. На самом деле, только ему и смеяться; только он может смеяться и наслаждаться смехом.

В Индии мы не признаем мир всерьез. Мы называем его божественной *лилой*, божественной игрой; в лучшем случае — шутка, притча, драма, прекрасно рассказанная, но тут нет ничего серьезного.

Я несерьезен; и, что бы я ни говорил, я говорю в очень несерьезном духе. Конечно, я искренен, но не серьезен. Что бы я ни говорил, я на самом деле хочу передать это вам, но если это не передается, я не буду расстроен. Если передается, я не буду гордиться. Если я полностью потерплю неудачу или вполне преуспею — все едино. Вот почему я несерьезен.

Вы здесь, быть может, всерьез, но постепенно я смогу убедить вас не быть серьезными, так как серьезность — это тень эго. Без "я" нельзя быть серьезным. Просто без "я" серьезность

исчезает, потому что, когда нет "я", исчезает смерть. Умирает только "я", а не вы сами. Вы никогда не умирали и никогда не рождались. Вы всегда были здесь. Вы часть всего этого существования, вас нельзя отделить от него.

Иногда вы могли быть в деревьях, вы могли быть деревом. Иногда — в птицах, вы могли быть птицей. Иногда — камнем, иногда — потоком, падающим с Гималаев. Миллионы способов. Миллионы форм. Миллионы имен. Да, вы существовали самым разным способом, Никогда не было, чтобы вас не было; никогда не будет, что вас не будет, — форма меняется; то, что лишено формы, длится и длится.

Тут нечего быть серьезным. Но "я" боится, взвешивает. Приближается смерть. "Я" — это вес. "Я" не может смеяться.

Все мои старания — создать в вас такой глубокий смех, чтобы он остался при вашем исчезновении. Танец остается, танцующий исчезает. Тогда жизнь становится необыкновенно прекрасной — и только тогда жизнь прекрасна.

Так что не думайте обо мне, как о других религиозных деятелях, которые очень серьезны. Если они серьезны, они не могут быть религиозны — это мой критерий. Если ваши святые не могут смеяться, они, в лучшем случае, — подавившие себя грешники. Потому что подавивший себя не может смеяться, он всегда боится. Вместе со смехом можно выпустить наружу многое другое. Теперь он не может выпустить наружу только один смех. Ведь ему приходится подавлять в себе все: секс, раздражение, зависть, ненависть, любовь. Нельзя выражать только часть себя: или вы выражаете себя полностью, или все в себе подавляете. Вашим, так называемым, святым приходится подавлять себя полностью. А по мне, святой тот, в ком нет ни малейшего подавления, во всем его существе. Когда он смеется, то смеется. Вовлечено все его существо — все в нем колышется от смеха.

Запомните это — и особенно в связи с хасидизмом. Хасидизм создал величайшую традицию смеющихся святых; это один из прекраснейших вкладов хасидизма.

Хасидский мудрец не из тех, кто отрекается от мира. Он живет в мире, потому что отрицание его — слишком серьезно. Он не уходит с ярмарки — он поднимается над ней. Он живет там же, где и вы, но живет по-другому. Он живет рядом с вами, но, в то же время, он существует где-то еще. Он соединил сансару — мир и саньясу — отречение.

Когда я посвящаю вас в саньясу, я делаю то же, что и хасид. Я не говорю вам: отправляйтесь в Гималаи — это было бы выбором, а выбор всегда серьезен: что-то приходится оставить, отрезать часть своего существа, искалечить себя.

Выбирая, вы двигаетесь в определенном направлении; тогда целое не воспринимается. Если вы живете в мире, то отвергаете отречение, саньясу, вы отвергаете медитацию. "Это не для нас, мы люди этого мира". Но приходит день, когда вы уже сыты этим миром по горло, и оставляете его. Теперь вы боитесь в него вернуться. "Мы не от мира сего. Мы живем вне мира!" Но и в том, и в другом говорит только половина вашего сердца, вы не целы, вы не полны.

Хасидский мудрец полон. Он живет в мире, живет так же, как все. У него нет мании величия по поводу своей необычайности. Ему нет нужды ее показывать. Он есть!

Есть другие святые, которым нужно убеждать всех, что они особенные. Сама эта нужда показывает, что в глубине они очень обычные: это часть обыденного сознания — быть всегда нужным, желанным, желать, чтобы другие думали и чувствовали, что ты не такой, как другие: "Я особенный".

Как-то я ехал в поезде. В моем купе было еще трое людей. Они разговаривали обо всем на свете. Ехать было далеко, надо было чем-то заняться. Заговорили о счастье. Один был очень богат, он сказал: "Я счастлив, у меня есть все, что мне нужно. Я преуспел, я достиг". Я взглянул на его лицо — ни следа прибытия, только невроз. Даже то, как он говорил — с такой

уверенностью — было только желанием скрыть глубокую нервозность. Видно было, что внутри он дрожал, как лист на ветру. Он только делал вид. "Я достиг счастья", — говорил он. Но глаза его были, как пустыня: ни тени счастья, ни тени зелени. Он был почти мертв, опустошен, изношен.

Другой был членом политической партии. Он говорил: "Я счастлив, я нужен партии. Без меня они не победят на предстоящих выборах. Я нужен. В этом мое счастье".

Один думает, что счастлив, потому что накопил много богатств. Что общего у счастья с богатством? Богатство снаружи, счастье -внутреннее цветение. Счастлив может быть и бедный. Оно никак внутренне не связано с бедностью или богатством. Нищий, подобный Будде, может быть счастлив. А тот, кто говорит, что счастлив, потому что достиг больших богатств, только дурачит себя и притворяется.

Другой сказал: "Я счастлив, потому что я нужен". Когда в вас нуждаются, к вам приходит определенная значительность. Вы думаете, что существенны для кого-то или для партии, религиозной группы. Но счастье не зависит от других. Если партия найдет себе лучше него (или похуже, что для них одно и то же), это будет для него страшным ударом. Если так, то это не счастье, а просто прикрытие действительности ласкающим душу словом.

Еще там была женщина. Она тоже сказала, что счастлива: у нее пятеро детей, прекрасные люди, уже взрослые. В них осуществились ее надежды. И муж искренне любит ее, он всегда был ей верен. В молодости она, должно быть, была красива. Теперь ей уже за 50; остался один скелет, одно воспоминание — воспоминание о прошлом. Глаза потухли, вся жизнь прошла. Сама она не смогла, так что теперь это дело их, ее детей; ей предстоит жить их амбициями.

Счастье никогда не живет чужим. Ему никого не нужно, ему хватает и себя. А она подчеркивает, что муж был верен ей, но видно: что бы она ни говорила, сама она не очень этому верит — все ведь видно по глазам. И вообще, говоря, что муж вам верен, вы выдаете свои подозрения. Или, что жена вам верна: отголосок сомнения. Потому что верность не знает сомнений и не думает о верности. Если это настоящая верность, вы о ней не знаете. Иначе где-то изнутри ее подгрызает червь сомнения.

Потом все повернулись ко мне и спросили: "Ну, а вы?"

"Я никогда не пытался быть счастливым, — ответил я. — И не принадлежу никакой организации, религии или еще чему-нибудь. Никому я не нужен; если я кому-то нужен, то это его дело, а не мое. Мне не нужно быть нужным. Что же касается успеха, то я неудачник: мои руки абсолютно пусты.

Честно говоря, я мало интересовался счастьем, потому что я и так счастлив. Просто я счастлив. Без всяких причин".

Если для счастья есть причины, несчастье ждет вас в любой момент. Вы на самой грани несчастья, потому что причина может исчезнуть. Пока вы не счастливы просто, без всяких видимых или невидимых причин, пока вы не просто счастливы — беспричинно, иррационально, абсурдно, сумасшедше, — вы несчастны.

А счастливый не может быть серьезным. Несчастный серьезен, ему чего-то не хватает. Он идет, рыщет, всегда напряжен, движется, стремится куда-то — ждет Годо. Такова натура несчастливого человека.

Я достиг такой глубины, что даже не чувствую достижения. На самом деле, я никогда не отправлялся. Я несерьезен, внешность может обманывать. Вы, быть может, не видели меня смеющимся, но вы слишком серьезны: вам нужен смех. Когда вы просто счастливы, серьезность исчезает, смех исчезает.

Смех ваш болезнен. Вы слишком серьезны. Приходится смеяться.

Очень может быть, что Иисус никогда не смеялся, но христиане неправильно это

понимают. Я могу согласиться, что он никогда не смеялся. Это возможно: он сам был смех. Он смеялся глубоко и постоянно. Это было не событием, а процессом. Это не было тем, что приходит и исчезает. Это длилось всегда.

Если вы на самом деле счастливы, то нет нужды в смехе и нет нужды в слезах. И то и другое исчезает. Я несерьезен; я празднующий, просто празднующий. И, говоря с вами, я не излагаю ни учение, ни философию, ни религию — вовсе нет. Я просто хочу разделить с вами мое празднование. Сместитесь от слов к молчанию. Не слушайте слова, слушайте меня. Здесь, именно здесь — весть.

ВОПРОС Если вы поможете мне найти вопрос, поможет ли мне это найти ответ?

ОТВЕТ А это и не нужно. Если вы задаете вопрос — ответ найден. Дело не в ответе, дело в вопросе. Вы не знаете настоящего вопроса — вот почему вы все ищете и ищете. А настоящего ответа никогда не бывает. Его не может быть, потому что вы упустили самое начало. Первый шаг был сделан не туда.

Надо найти настоящий вопрос, ваш вопрос: он не должен быть чужим, его нельзя занять. Не надо повторять, как эхо, чужой вопрос. Не надо повторять.

Вы так раздражительны, что даже в вопросе вы повторяете других, вы отражаете других. Как могут быть подлинны ваши поиски? Как вы можете чего-то достигнуть? Невозможно: сами ваши поиски подражательны. Задайте **свой** вопрос!

Все мои усилия здесь — помочь вам задать подлинный вопрос, основной: вопрос вашего существа, глубочайшей сердцевины.

Основной вопрос только один. Вот почему и основной ответ тоже только один. Можно задать тысячу ложных вопросов. Нельзя задать больше одного истинного вопроса, потому что в истинном вопросе — все остальные. Он будет сущностью вашей тревоги, вашего страдания.

И вопрос этот не будет теологическим, он будет экзистенциальным. К нему не прийти чтением. К нему не прийти учением. Он придет, если вы отважитесь на встречу с собой. Если вы повернете взгляд в свое существо. Тогда он придет. Он уже здесь. Вы принесли его с собой. Это семя внутри.

А когда вы найдете истинный вопрос... Это я и помогаю найти, а не истинный ответ. Ответ я оставляю для глупых. Отправляйтесь к священникам: у них есть правильные ответы; отправляйтесь к профессорам: у них есть правильные ответы. У меня есть только правильный вопрос.

Как только есть правильный вопрос, не надо искать ответа — ответ в нем самом. Они всегда вместе. Как только вы задаете подлинный, настоящий вопрос, идущий из вашего существа, а не от ума — чудо! За вопросом приходит ответ. Так должно быть. Если вопрос ваш, то как может чей-то ответ утолить его? Жажда ваша — ее не утолит никакая чужая вода. Надо глубоко погрузиться в себя. Найдите вопрос — и ответ уже найден. Но это трудно, мучительно, вы ведь спешите: "Если у вас есть ответ, то уж дайте, пожалуйста. Если у вас есть ответ, к чему принуждать нас отправляться на поиски вопроса?" Вы любите все готовое. Это невозможно. Так вас обманывают, так вы обманываете себя. Так рождаются религии: христианство, иудаизм, индуизм, джайнизм.

Махавира нашел свой вопрос и нашел свой ответ. Вокруг него собрались люди: те, жадные, кто не удосужился спрашивать, кто не утруждался. Они видели возможность: этот человек нашел ответ. Они собрались отовсюду. Они уцепились за ответ. Глупее не придумаешь. Ответ можно запомнить, но это не поможет.

Я расскажу вам притчу. Случилось так: некий человек был очарован рекой, что протекала рядом с его деревней. Он захотел спуститься по ней вниз, до самого конца, чтобы увидеть, как

река впадает в океан. Конечно, он принялся изучать старинные тексты: надо было узнать, спускался ли кто вниз по реке. Спускались многие. Во все века многие были очарованы рекой. Но его озадачило то, что ответы их были различны. Он не мог им верить.

Один утверждал, что река прямая. Другой говорил: через пять миль река сворачивает направо, а еще один — что ровно через пять миль река сворачивает налево. Видя большую путаницу в текстах, он обратился к людям: может, жив кто-нибудь из тех, кто спускался по реке. Таких нашлось много: советовать ведь очень приятно. В каждом столь глубоко сидит желание стать гуру, это так приятно для него. Это приятно для эго. Когда надо советовать другому, каждый становится мудрым. Может, в своей жизни он оказался дурак дураком, но когда другой в затруднении — становится мудрым с кучей советов. Конечно, никто им не следует, и хорошо, что никто не следует ничьим советам. Так вот, много советчиков и притвор оказалось и в деревне этого человека. Он был у них, но остался в еще большем смущении, потому что у каждого были свои представления.

Наконец, он собрал большой материал. Спланировал карту.

На бумаге все выглядело просто замечательно; на бумаге всегда так. Вот почему все тексты прекрасны на бумаге. И он отбросил все противоречия: из целого выбрал основное целое. Теперь эта составная река была чисто умственным представлением. Он же был очень доволен своим планом, картой и — отправился вниз по реке.

Тут же стали возникать проблемы: он планировал через пять миль свернуть направо, но река не следовала карте. Он был ошеломлен и испуган. Все усилия достигнуть мудрости оказались тщетны — река не слушалась. Ни одна река не слушается ваших карт. Ему было так тревожно двигаться в неизвестности: впереди могли ждать опасности. Но ему ничего не оставалось, как плыть вместе с рекой. Если река не может следовать карте, что делать? Приходится двигаться с рекой. Он не мог заснуть всю ночь.

На следующее утро он ожидал увидеть деревню на берегу. Никакой деревни. Он был голоден, растерялся. Что делать?

Что же, все описания — ложь? Ничего подобного. Но река есть река -она меняет свой путь. Иногда она поворачивает налево; теперь она свернула направо. Иногда там бывает деревня; деревня появляется и исчезает. Река постоянно меняет свой путь. У реки нет логики, она не составная. Просто она живая. Никогда ничего неизвестно заранее.

Человек был голоден, подавлен. Карта оказалась полной бессмыслицей. Что делать? Река создает проблемы.

Один, молча плывя по течению, он начал размышлять: что делать? Тексты не помогли, советы оказались бесполезны — что теперь делать? Он начал размышлять. И вдруг пришло понимание: "Река не создает проблем, их создают карты. Река не создает никаких проблем. Река даже не знает, что я здесь. И река не может быть ко мне враждебна".

Он выбросил карты в воду. Проблемы кончились. Теперь он стал плыть вместе с рекой, без всяких ожиданий. Все его огорчения кончились.

Если вы плывете вместе с рекой жизни, вы найдете свой вопрос, и вы найдете свой ответ.

Но все горе в том, что вы уже нашли ответ. У вас есть карты, тексты, рекомендации, и куча обманщиков продолжает давать вам советы. Им очень приятно советовать. Вы просто жертва, повод. Им хочется советовать. Им дела нет до того, что вам нужно. Они и не смотрят на вас. У них уже сложились определенные представления.

Пойдите к христианам; у них есть определенное представление о Боге. Даже реки не текут по определенному пути — как же у вас могут быть определенные представления о Боге? Он — река сознания. Может быть, когда-то в прошлом кто-то знал реку, текущую так. Ее уж больше нет на том же месте. Старик Гераклит сказал: "Нельзя дважды ступить в одну и ту же реку". Река

всегда течет, меняется, струится, всегда движется. У реки нет определенного русла.

Жизнь свободна. Жизнь — это свобода. Бог — это абсолютная свобода. Нельзя иметь определенного отношения, определенных представлений. Если они есть, вам будет трудно, вы будете думать, что Бог создал для вас трудности. Да выбросьте ваши священные писания в реку! Плывайте вместе с рекой, и все будет прекрасно.

Забудьте ответы, если вы хотите найти свой вопрос. Вы так окружены ответами, что в такой толпе и путанице почти невозможно найти настоящий вопрос. А настоящий вопрос — это ключ.

Я не даю вам никакого ответа. Если вы пришли ко мне за ответом, то обратились не по адресу. Я не даю вам никаких карт сознания. Я не даю вам никаких концепций Бога. Я просто даю вам жажду, страстную жажду. Я делаю насущно необходимой вашу жажду узнать свой подлинный вопрос. Дальше все пойдет само собой.

Ответ следует за вопросом. Это несомненно. Так бывает всегда. Такова сама природа этого. Прежде — жажда вопроса, а ответ придет. Но вы стараетесь ловчить. Вы говорите: "К чему тревожиться о вопросе? Ведь есть ответы. Доступны и дешевы. Да и советчиков хватает". Так что, к чему заботиться о собственном вопрошании?

Но если вопрошание не ваше, то и его исполнение будет не вашим.

Ответы не помогут. Необходимо другое состояние сознания. Только другое состояние сознания может стать ответом. Вопрошая, вы начинаете меняться. Вопрошайте все; и не просите легких ответов. Продолжайте вопрошать, идите до самого конца, чтобы вся ваша вопрошающая жажда сконцентрировалась, собралась в одну точку. Она, как стрела, входит в сердце, глубоко проникая. Это болезненно, но ничего не достигается без боли. Страдание — часть роста. Вы ищете комфорта и заимствуете ответы. Тогда не приходите ко мне, потому что я брошу вас в бездну вашего существа.

Поначалу это похоже на смерть, поначалу это похоже на ничто. Но если вы мужественны, вскоре появится вечное основание. Впервые вы дома. Это похоже на боль рождения: ребенок должен пройти через родовую травму, должен выйти из чрева.

Вот сейчас вы во чреве своего ума. Медитация — не что иное, как выход из чрева ума: от мысли к немислию, от бессознательности к сознанию, от заимствованного, раздражительного существования к подлинности.

Да, я помогаю вам найти вопрос. Но тогда ответ уже не нужен: он приходит одновременно, нет и секундного разрыва. Ответ неотделим от вопроса. Вопрос и есть ответ. Само вопрошание и есть процесс понимания. Сам поиск и есть цель.

ВОПРОС Все подлинно стоящее приходит благодатью. В чем логика или нелогичность благодати, как привлечь ее?

ОТВЕТ Благодать — не то, что порою есть, а в другое время нет. Благодать всегда. Она сама сущность существования. Существование благодатно, исполнено благодати. Но порою она с вами, порою вы упускаете ее. Идет дождь; вы то под ним, то нет. Но дождь идет все время. Так что, причину надо искать в себе. Иногда вы укрываетесь от благодати.

Благодать — сама природа существования. "Я" — укрытие. Вы защищаетесь даже от благодати. Сами того не зная, вы создаете вокруг себя защитную зону, создаете броню. Благодать доступна — недоступными становитесь вы. Вот почему кажется, что она приходит редко.

Когда вы перестаете защищаться... Вы сидите. Раннее утро, солнце еще не поднялось. Смотрите на небо: вот поднимается новое солнце. Все вокруг — мир и покой. Пробуждается новая жизнь. Рождается новый день. Вы становитесь частью бесконечного целого, происходящего вокруг вас. Вы не наблюдатель, не посторонний. Вы участвуете в мистерии. Это не то, что солнце поднимается, а вы смотрите на него, нет. Вы и солнце становитесь одно. Тогда

вы беззащитны. Стена исчезает. Брони больше нет. Тогда не просто солнце поднимается там, далеко в небе, а вы сидите тут, на земле.

"Там" и "здесь" исчезают. Есть только одно целое. Тогда вы забываете себя. В этом забвении вы больше не остров — вы стали частью суши. Никаких преград — и вдруг вы исполнены благодатью, вы вдруг больше не несчастны, вдруг больше нет тьмы. Все прекрасно. Вы благословляете все. В это мгновение только одно возникает в вашем сердце: глубокая благодарность, глубокое благоговение. Просто быть — превосходно, просто дышать — великолепно. Просто быть живым в этот момент.

Иногда так бывает, когда сидишь с любым существом: мужчиной, женщиной, ребенком — сидеть молча, ничего особенно не делая, потому что это всегда род занятий, которым вы продолжаете защищаться. Даже не разговаривая! Когда вы погружены в любовь, вы предпочитаете сидеть в молчании. Любящие мало разговаривают. Они не сообщают, они сообщаются. Возникает тонкое общение. Они так глубоко знают друг друга, что понятен даже жест. Слова не нужны. От них коробит — они помеха, они мешают резонансу. Люди сидят тихо, и вдруг — благодать: что-то большее их обоих и всего окружающего их. Они слились в едином чувстве. Облако девственной благодати окружает их. Они не двое, двойственность исчезает. Они полностью освобождены от своей обособленности. Время остановилось. Это благодать.

Потом они снова начинают говорить, снова вторгается "я" — они защищены и благодать потеряна.

Да, все, что прекрасно, все, что подлинно и хорошо, приходит благодатью; никогда — от усилия. Все усилия так малы. Что вы можете? Вы такие крошечные. Атомы, — что мы можем? Так ограничены, — что мы можем? Если мы будем пытаться стать счастливыми своими усилиями, мы только все более и более станем несчастными. Это то, что происходит во всем мире; каждый старается стать счастливым. Чем больше вы стараетесь, тем несчастнее становитесь. Все ваши усилия напрасны. Не только напрасны — все ваши усилия приносят результат прямо противоположный: вы хотите стать счастливыми, а становитесь несчастными.

Я слышал об одном старике. Он был из несчастнейших на свете. Вся деревня устала от него: всегда он был мрачен, всегда жаловался, всегда в плохом настроении, всегда кислый. И чем дольше жил, тем все более желчным становился, и ядовитее становились его слова. Люди избегали его: несчастье становилось заразным. Не быть несчастным рядом с ним было как бы оскорбительно. Он создавал несчастье и в других.

Но однажды, когда ему исполнилось 80 лет, случилось невероятное -никто не мог поверить. Мгновенно всех облетел слух: "Старик сегодня счастлив, не жалуется, даже улыбается; у него все лицо переменялось".

Собралась вся деревня. Старика спросили: "Что случилось с тобой? В чем дело?"

"Ни в чем", — ответил старик, — "80 лет я старался стать счастливым и ничего не вышло, — так что, я решил обойтись без счастья. Вот почему я счастлив".

Именно так. Так происходит во всем свете. Старайтесь — и станете несчастными. Чем больше вы стараетесь, тем больше это приносит огорчений.

Спросите пробужденных. Все познавшие говорят: "Просите счастья и станете несчастными". Примите счастье — и внезапно вы счастливы: больше нет усилия, и благодать доступна. Своими усилиями вы отбрасывали ее.

Вы — свои злейшие враги. И прекрасно это знаете: если у вас и бывают минуты счастья, то это не из-за вас. Вы это знаете, но ваше "я" не хочет с этим считаться.

Вы знаете, что вдруг однажды птица запоет в роце, и все затихает в вас. Вы слушаете ее; и на минуту нет больше горя, нет больше ада, — рай достигнут. С вашей стороны тут ничего нет. Птица поет, а вы просто слушаете. Слушая, вы пассивны: **никаких** усилий. Что вам делать?

Птица поет, роща зеленеет. На мгновение вы стали пассивными, женственными, ничего не делая. И вдруг она здесь. Она всегда была здесь. Вам нужно было только остановиться.

Лао-Цзы говорит: "Стремитесь, и вы упустите. Не стремитесь — и это уже здесь". Сокровище, которое вы ищете, — внутри вас. Все поиски тщетны.

Увидьте все как есть. Существование — это праздник. Это празднование! Оно уже танцует — в каждом листике, в каждом ручейке, в каждом камне и в каждой звезде — оно всегда танцует. И вы приглашены. Иначе вас бы здесь не было. Вас принимают, иначе вас бы здесь не было.

Но вы отказываетесь. Вам чего-то надо, вы хотите невозможного: стать счастливым. Несчастливый не может стать счастливым, но все старается. Бросьте вы эту чепуху!

Ко мне приходят и спрашивают: как стать счастливым? Я отвечаю: "Если вы спрашиваете "как", вы никогда не будете. Будьте! — тут нет никаких "как". "Как" — это проблема. Как быть счастливым -абсурдный вопрос. Будьте счастливы — чего спрашивать: "Как"? Нет науки счастья. Что бы ни говорили американские книжки. Все Карнеги — посредственность, но раскупаются бойко. После Библии лучше всего идет Дейл Карнеги. Он хороший торговец. Он знает, что все хотят счастья. Он знает, что каждый стремится к успеху. Он знает, что каждый ищет любви. Он исполняет желание. Он дает вам "как". Он предлагает вам книги: "Как преуспеть", "Как добиться расположения", "Как стать богатым".

Но я говорю вам: "Нет никаких "как"". "Как" — это тревога. Вы и так уже знаете много способов стать счастливым — от этого такая путаница. Плюньте. Вспомните о старике, его 80-летию, и о том, как он решил обойтись без счастья. Сумеете ли вы стать несчастным, если вы решили обойтись без счастья? Кто тогда сможет сделать вас несчастным? И как? Раз — и несчастье стало невозможным. Несчастье — побочный продукт вашего желания быть счастливым. Огорчение — побочный продукт вашего желания преуспеть. Чувство поражения, скука, изношенность — побочные продукты амбиции.

Надо просто увидеть, больше ничего. Увидеть то, как есть, и само видение освободит вас. Иисус говорил: "Истина освобождает". Я согласен — совершенно верно. Истина освобождает. Увидьте сам факт, — то, как вы делаете себя несчастными. Если хотите сделать себя еще несчастнее, постарайтесь стать счастливее. Да увидьте вы, как это происходит! Увидьте, как вы становитесь несчастны. Было ли вам плохо, когда вы ничего не ждали? Когда вы не ожидаете, вы просто счастливы. Счастье естественно, несчастье надо заработать. Для несчастья нужно приложить старание; счастье -это то, что есть.

Да, все подлинно стоящее приходит благодатью. Говоря "благодать", я не имею в виду теологическое понятие. Я не имею в виду, что есть Бог, сидящий всех выше на крыше и присматривающий за вами: кто ведет себя паинькой — будет счастлив, и на него польется благодать, а бьяки — в ад. Из-за вашей глупости вы даже Бога своего сделали глупым.

Нет никого, сидящего на крыше; благодать — просто природа существования. Никто ее не дает, не изливает на вас. Это не награда, дающаяся святым, потому что они оказались паиньками. Никто не преграждает ей доступ к вам, потому что вы — грешники и никогда не слушались добрых советов священников, церкви, организованной религии, потому что оказались бунтарями. Никто не дает и никто не препятствует.

Благодать в самом существовании. Она просто здесь. Это часть жизни. Никто ее не дает, но она может стать вашей. Никто не мешает ей достичь вас, помешать можете только вы. Дело в вас. Дело не в том, чтобы просить и молить Бога: "Буде милость твоя". Дело просто в том, что благодать достигается, если вы не создаете броню вокруг себя. Может быть броня греха, может быть броня святости. Это надо понять: броня может быть золотой, броня может стать железной. Главное: в броне вы недоступны благодати.

И у хорошего человека есть "я", конечно, очень благочестивое, святое, священное. Верующий человек — благочестивый эгоист. Он думает: "Я столько постился, сколько денег отдал на благотворительность, на больных и больницы, на то и на это; я построил столько церквей и храмов, заботился о стольких бедных; и молюсь я каждый день и никогда я не совершил ни одного греха". Гордое, закоренелое "я". Такой недоступен благодати.

Грешник тоже создает свою броню. Он думает: "Другие меня не волнуют. Я живу так, как мне нравится. Черт бы побрал это общество". Он бунтарь, он грешит, чтобы просто утвердить свое "я", и он мог бы сказать: "Я — это я, железное "я". А у верующего человека "я" -золотое. Но золотое или железное — не важно.

Кого я называю "истинный мудрец"? Истинный мудрец тот, у кого нет никакой брони, нет никакого убежища, который не защищен ничем. Истинный мудрец тот, кто открыт существованию, оно может течь сквозь него, открыт ветрам, открыт солнцу, открыт звездам.

Истинный мудрец — это глубокая пустота. Все проходит через него, ничему нет препятствий. Тогда каждое мгновение — благодать. Каждое мгновение — вечность. Каждое мгновение — Бог. И этот Бог не есть что-то отдельное от вас, это ваша глубочайшая сердцевина.

ВОПРОС Вы любите меня?

ОТВЕТ Нет! Никоим образом! Я вообще ничего не делаю (Do you? No do). Если вы чувствуете мою любовь, то не потому, что я люблю вас: это потому, что я есть любовь. Так что вы можете ее чувствовать, но ко мне это не относится.

Представьте, как распускается цветок, и аромат струится во все стороны. Цветок ничего не делает, чтобы он распространялся, цветок не прилагает ни малейшего усилия, чтобы он распространялся; не думайте, это не оттого, что вы проходили мимо, цветок послал вам аромат. Если бы никто не прошел, аромат струился бы на пустую поляну. Он не направлен; никакого усилия. Он просто есть. Когда цветет цветок, струится аромат. Когда вы достигли своей глубочайшей сердцевины, струится любовь. Любовь — это аромат.

То, что вы называете любовью, не любовь. То, что вы называете любовью, может быть чем угодно, но только это не любовь. Это может быть сексом. Может быть жадной обладать. Может быть одиночеством. Может быть зависимостью. Может быть жадной властвовать. Это может быть всем, чем угодно, но это не любовь.

Любовь не стремится к обладанию. Любовь никак не связана с кем-то другим; это состояние вашего существования. Любовь — это не отношение. Отношение в ней возможно, но она не отношение. Отношение может быть, но она не ограничена им. Она вне его, она больше его.

Любовь — состояние существования. Когда она отношение, это не может быть любовью, потому что есть двое. А когда встречаются два "я", неизбежен постоянный конфликт. Так что, то, что вы называете любовью, это постоянная борьба. Порою, правда, вы устаете и не боретесь, но вот вы отдохнули и снова готовы.

Редко бывает, чтобы любовь струилась. Напротив, почти всегда это ловушка "эго". Вы пытаетесь управлять другим, он пытается управлять вами. Вы пытаетесь владеть другим, он пытается владеть вами. Это не любовь. Это — политика. Это — игра во власть. Отсюда столько несчастий из-за любви. Если бы это было любовью, земля должна бы стать небесами. Что-то незаметно. На самом деле трудно найти ад более адский, чем этот мир. Как же он стал таким адом? — От добрых намерений.

Вы говорите о любви, но всякий раз прячете в ней отраву. Говорите о любви к Родине, и прячете в ней глубокую болезнь национализма, империализма. Говорите о любви к семье, а за этим ненависть к другим семьям. Вы объединяетесь в семью, потому что трудно бороться с

другими семьями в одиночку. Вы вместе, как индийцы: в одиночку трудно бороться с Пакистаном. То же самое относится к Пакистану. И к Китаю. И к Америке. И к России. То же самое относится ко всему миру.

Пока вы в таком состоянии, как сейчас, вы не можете любить. Когда вы спрашиваете меня о любви, я всегда чувствую, насколько невозможно говорить об этом: вы одно имеете в виду, а я другое. Так можно говорить веками, не приближаясь к единству, к собеседованию, потому что вы назвали любовью то, что любовью не является.

Снимите этот ярлык, взгляните, что скрыто в нем: ненависть, раздражение, зависть, ревность, самолюбие, жажда властвовать, разрушать. Нет, так я вас не люблю. Потому что для меня любовь не может быть действием: к ней нельзя прикладывать усилия, любовь нельзя сделать. Можно быть любовью, но любить нельзя. И тогда любовь приобретает необычайную красоту, тишину и молчание. И тогда любовь становится молитвой. Тогда не будет нужды идти ни в какой другой храм: состояние любви и есть храм.

Хасидские мудрецы познали сладость этой любви. Они любили весь мир. Они любили обычный мир необычайной любовью. Они жили в мире, цвели в нем. Они не пытались никуда скрыться. Были мужьями, отцами. Жили очень обычно.

Иногда приходится видеть, что люди, отказывающиеся от мира — закоренелые эгоисты. Их отказ от мира — на самом деле неудача их любви. Их любовь постигла неудача, и из-за этой неудачи **мир** стал отвратителен. Но они думают, что мир на самом деле отвратителен. Они думают, что несчастливы из-за других.

Муж оставляет жену и отправляется в Гималаи. Он думает, что его затруднения и несчастья из-за жены. Дело вовсе не в ней. Его затруднения и несчастья оттого, что он не находится в состоянии любви. В состоянии любви никто не сможет создавать для вас несчастья. Это невозможно.

Познавший любовь похож на исполненного благодати; никакой зависимости от условий. Что бы ни случилось, оно не повлияет на состояние его существа. Его можно убить, но сделать несчастным нельзя. Можно бросить его в лагерь, но сделать несчастным нельзя. Его свобода остается полной. Его свобода остается незатронутой, незадетой.

[Читать полный вариант книги](#)